

Тоска по философии (памяти А.П. Огурцова).

Статья I

А.С. Карпенко

В статье рассматривается трагический период развития советской философии, который начался высылкой за границу в 1922 г. самых известных русских философов и продолжался вплоть до 1989 г., когда была впервые опубликована статья А.П. Огурцова “Подавление философии”. Здесь вскрываются внутренние пружины физического и идеологического террора, направленного против философов, пытавшихся сказать свое слово в философии. Приведенный анализ помогает понять логику происшедшего, и, казалось бы, путеводная нить, ведущая от гегелевской диалектики к колоссу марксистско-ленинской философии, вот-вот продолжится, однако всё прерывается, наткнувшись на мертвящий холод пустоты, потому что “*Логика террора такова, что места для логики не остается*”. И тогда исследование советской философии превращается в некий “кошмарный сон во сне”.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подавление философии, Гегель в России, “диалектики” и “механисты”, сталинизм, террор, “оттепель”, идеология и реальность.

КАРПЕНКО Александр Степанович – доктор философских наук, профессор, зав. сектором логики, Институт философии РАН, Москва.

Цитирование: *Карпенко А.С. Тоска по философии (памяти А.П. Огурцова). Статья I // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 133–149*

Voprosy Filosofii. 2015. Vol. 10. P. 133–149

Yearning for Philosophy (Aleksandr Ogurtsov: in memoriam). Article I

A.S. Karpenko

The article analyzes the tragic period of Soviet philosophy development, that has begun with expatriation of the most famous Russian philosophers in 1922 and lasted until 1989, when the article named “The Suppression of Philosophy” by A.P. Ogurtsov was first published. The inner springs of physical and ideological terror against the philosophers, who tried to make their contribution to philosophy, are revealed here. The produced analysis furnishes insights into the logic of what happened. Also it provides the feeling of close continuance of the guiding idea leading from the Hegelian dialectic to the colossus of Marxist-Leninist philosophy. All this breaks off while stumbled upon lifeless coldness of emptiness, because “*the logic of terror means that there is no other space for the logic itself*”. And then the investigation of the Soviet philosophy turns into some kind of “nightmarish dream inside a dream”.

KEY WORDS: suppression of philosophy, Hegel in Russia, “dialecticians” and “mechanists”, Stalinism, terror, the “Thaw”, ideology and reality.

KARPENKO Aleksandr Stepanovich – DSc in philosophy, professor, head of department of logic at the Institute of philosophy of the RAS, Moscow.

Citation: *Karpenko A.S. Yearning for Philosophy (Aleksandr Ogurtsov: in memoriam). Article I // Voprosy Filosofii. 2015. Vol. 10. P. 133–149*

Редакция сочла возможным опубликовать этот текст,
выполненный в жанре исторического эссе как напоминание
об историческом опыте русской философии советского периода.

Тоска по философии (памяти А.П. Огурцова)

Статья I

А.С. КАРПЕНКО

1. Прелюдия

Это была долгая и многострадальная эпопея. Наконец, после десяти с лишним лет неустанных поисков и ожиданий в 1985 г. на свет появилась первая книга 5-го тома “Истории философии в СССР” [Евграфов 1985]¹. Четвертый том вышел еще в 1971 г.

Александр Павлович Огурцов с растерянным видом держал в руках объемистый том с сиреневым отливом, пахнувший свежей типографской краской. Девятая глава под названием “Разработка проблем диалектического материализма в период развитого социализма” (§ 1, § 3, § 4) была написана авторским коллективом в следующем составе: В.А. Лекторский, Э.Г. Юдин, А.П. Огурцов и В.С. Швырёв. Но не все они дожили до этого радостного дня: в 1976 г., в возрасте 46 лет, умер Э.Г. Юдин².

Теперь они втроем собрались в Институте философии АН СССР, который располагался на Волхонке 14, и бурно обсуждали, как отметить завершение этой эпопеи, а заодно помянуть Эрика. Лекторский предлагал идти к нему в сектор, но Швырёв все-таки настоял на своем, и они, чтобы не светиться на работе, пошли в знаменитую “Стекляшку” напротив Института, прихватив по дороге всё необходимое.

“Стекляшка” пользовалась такой большой популярностью среди философов, что некоторые проводили в ней весь рабочий день. Здесь всегда было весело, как и на этот раз, а тут еще внезапно появилась и мгновенно разнеслась важная новость: на только что состоявшемся пленуме генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев. Только они расположились за столиком и чуть выпили, как человек, даже не сидевший, а стоявший у соседнего столика в весьма разгоряченном состоянии, громко заявил: “А генсек-то молодой, может и не придется его сразу хоронить, а то надоела эта похоронная музыка...”. К нему сразу кто-то подошел. “Посуду” пришлось лихорадочно прятать, и как ни уговаривал Швырёв пойти в другое место, они быстро разошлись.

Огурцов заехал к себе на работу в ИИЕТ (Институт истории естествознания и техники), где все только и говорили, что о молодом генсеке. “Может, хоть теперь что-то изменится, – подумал он, – ведь никто уже давно ни во что не верит. Идеология себя полностью исчерпала...” и, никому не показав вышедшего тома, отправился домой. На душе было почему-то беспокойно, да и написанное ему уже не очень нравилось, поэтому повертев книгу в руках, он заснул ее на полку под другие книги, чтоб не попадалась на глаза.

Ночью ему приснилось, что кто-то долго и настойчиво звонит в дверь. Он проснулся, хотя сон продолжался, это был сон во сне, с трудом встал и пошел открывать. За дверью никого не оказалось, хотя звонок продолжал звонить и, наконец, Огурцов догадался, что это непрерывно и угрожающе звонит телефон. На другом конце провода был сильно выпивший Швырёв, он что-то кричал в трубку, матерился и грозился набить морду какому-то Фришу. В этот момент до Огурцова вдруг дошло, что начало их статьи в 5-м томе было

вялым, беззубым и очень слабым. И теперь их ждет партком, именно об этом и кричал Швырёв. Надо было срочно посмотреть, как начиналась статья того самого Фриша и сравнить. Огурцов никак не мог понять, куда девалась книга, она как будто испарилась. Наконец, нашел, открыл на 374-й странице, где начиналась X глава, написанная А.С. Фришем, под названием “Проблемы исторического материализма в переходный период от капитализма к социализму” и прочел первые строки (курсив мой. – А.К.): “*Отбив атаки интервентов и белогвардейцев, Страна Советов вплотную взялась за решение великих созидательных задач социалистической революции*” [Евграфов 1985, 374].

Остолбнев, Огурцов перечитал эту фразу еще раз и стал листать книгу назад, пока не добрался до начала статьи, которую писал их коллектив: “Многосторонний прогресс науки в СССР, дальнейший подъем марксистской философской мысли тесно связаны с полной и окончательной победой социализма, с построением развитого социалистического общества, с возникновением и развитием мировой социалистической системы” [Евграфов 1985, 314].

«Да, слабовато, Швырёв абсолютно прав, – подумал Огурцов, – здесь легко можно придаться к тому, что все связывается “с полной и окончательной победой социализма”, а когда еще эта победа будет?» Но тут, к большому своему облегчению, Огурцов подметил, что Фриш в предисловии ссылается только на XII съезд партии, а они сразу на несколько и, более того: “Важную роль в развитии марксистской философии сыграли решения XXIV–XXVI съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС, Постановление ЦК КПСС о мерах по дальнейшему развитию общественных наук (1967) и другие партийные документы” [Евграфов 1985, 315].

Вдруг он почувствовал сильное головокружение и стал проваливаться в бездну, заполненную какими-то гнусными рожами: “Как же мы могли пропустить? – застонал он, – это ужасно! Такой немислимый просчет! Могут принять за продуманную идеологическую диверсию. И где были Лекторский со Швырёвым? А эти бесчисленные редакторы и цензоры, которые столько лет вычитывали и проверяли текст? Неужели всё пропало?” Оказалось, и самым очевидным образом, что в отличие от Фриша, они в своем введении *не сослались на труды Ленина*. А это уже криминал. Осознанный подрыв великого дела построения коммунизма на всей земле, *антисоветская агитация*. За это раньше и расстрелять могли...

От этой мысли Огурцов вздрогнул и проснулся, но только в первом сне. В дверь продолжали звонить все настойчивее и даже начали стучать. Огурцов пошел открывать и увидел странного типа, который представился работником райкома партии и, без приглашения пройдя в комнату, недовольно и злобно бросил на ходу: “С вечера звоним, почему не подходишь к телефону? Собирайся, тебя срочно вызывают на заседание райкома”. “Что, будете исключать из КПСС?” – спросил Огурцов. “Да”, – твердо ответил работник райкома. “Интересно”, – подумал Огурцов и неожиданно улыбнулся. Потом докурил последнюю сигарету и без всякой суеты спокойно собрался.

Вскоре он оказался в высоком кабинете и предстал перед вершителями своей судьбы. Они сидели за длинным столом и каждый держал в руках открытую первую книгу пятого тома “Истории философии в СССР”. Только он успел подумать, что недавно где-то видел все эти рожи, как секретарь райкома строго объявил:

– Вы обвиняетесь в организации в 1971 году подпольной группы в размере четырех...

– В количестве... – поправил Огурцов.

– Хорошо, пусть будет в количестве, от этого суть дела не меняется, – и жестко продолжил, – в количестве четырех человек, которая на протяжении 14 лет вела антисоветскую агитацию и пропаганду. Что Вы можете на это сказать?

– Чушь собачья.

– А вот у нас есть свидетельские показания члена группы.

– Чьи? – страшно удивился Огурцов.

– Эрика Григорьевича Юдина. Вам знакома эта фамилия?

– А когда он дал показания? – с еще большим удивлением спросил Огурцов.

– Вчера вечером, вот подпись и дата.

– Но ведь он умер в 1976 году. Мы вчера по случаю выхода этой книги, – Огурцов кивнул на стол, – даже его помянули.

Тут произошла некоторая заминка. Секретарь робко посмотрел на сидящую рядом с ним женщину в строгом сером костюме.

– Ничего, продолжайте, – сказала она, – главное показания, а человек найдется. Затем, вспомнив что-то хорошее, добавила, обращаясь к Огурцову:

– Это Вам повезло, что у нас сейчас гуманистический период.

– Итак, ставится на голосование вопрос об исключении из партии Александра Павловича Огурцова. Кто за? Отлично, единогласно! Все материалы передаются в соответствующие органы. А Вы что смеетесь? Скоро тебе будет не до смеха, – переходя на ты, резко сказал секретарь.

– Придурки, – произнес Огурцов, стараясь из-за своей интеллигентности не смотреть на женщину в сером, – перед тем, как исключать, навели бы справки. Я уже давно беспартийный. Меня из партии исключили еще в 1968 году.

Огурцов думал, что этим вызовет настоящий шок у присутствующих, но увидел только насмешливые улыбки и злорадное перешептывание. Он жутко разозлился.

– Это Вас там исключили, а здесь – Вы первый... – загадочно произнесла женщина в сером.

Только теперь Огурцов понял, что его сделали козлом отпущения, что философией ему больше никогда не дадут заниматься и что отныне он вечный кандидат философских наук. Но главное, почему именно он, самый молодой из этой четверки, оказался инициатором антисоветской организации, а не доктора наук Лекторский и Швырёв? Неожиданно секретарь райкома грозно спросил: “А Вы читали статью Александра Самойловича Фриша о переходе от капитализма к социализму?” Тут такая ярость охватила Огурцова, что он прямо в лицо секретарю закричал: “А наср... мне на атаки белогвардейцев, если даже потом перезахоронят Деникина в Донском монастыре. И дело совсем не во Фрише, хотя он и трус порядочный, а в Ленине...”. Наступила такая вязкая тишина, что в ней можно было застрять при падении. Только женщина в сером не растерялась, и шипя что-то про КРТД³, бросилась к телефону. Огурцов выскочил из кабинета и громко захлопнул за собой дверь.

От этого звука он и проснулся: кто-то пришел домой и громко захлопнул дверь. “Что за бред мне приснился, – подумал Огурцов, – какие-то белогвардейцы, победивший их Троцкий, и это в 1985 году! Интересно, а что на самом деле написал Фриш во введении к своей статье?” Он долго искал книгу, очень хотелось курить, но ночью кто-то всё выкурил. Книги нигде не было, потом он все-таки нашел ее под кроватью, открыл на 374-й странице, и прочитал то самое начало: “*Отбив атаки интервентов и белогвардейцев, Страна Советов вплотную взялась за решение великих созидательных задач социалистической революции*”.

Остолбнев точно так же, как во сне, он снова перечитал эту фразу. А потом долго ходил по комнате и размышлял о смысле жизни, о тяжелой доле советского философа и о несчастном Фрише, который ни в чем не виноват. И ему, 50-летнему ученому, вместо того чтобы заниматься любимым делом, т.е. философией, нужно обязательно ссылаться на бесконечные съезды, пленумы, постановления, которые ничего для философии не значат и никогда не значили. Философия – это в первую очередь духовная и интеллектуальная свобода, а тут идеология, подавляющая всё. Сколько из-за этого ему пришлось вынести! И главное, уже все давно знают и понимают, что все эти ссылки чистой воды хренотень, но без этого не опубликуют, не пустят, не дадут...

В январе 1968 г. Огурцов, следуя своим моральным принципам, подписал письмо 80 о прекращении суда над А.И. Гинзбургом, Ю.Т. Галансковым и др. Они, активисты самиздата, были арестованы по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Центральным пунктом обвинения против Гинзбурга было составление и публикация за границей сборника под названием “Белая книга” по делу писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Оказалось, что Синявский и Даниэль дошли до того, что без всякого на то разрешения опубликовали свои литературные произведения за рубежом, то есть минуя ГЛАВЛИТ⁴. Да, еще под псевдонимами, как в свое время сделали Ульянов и Джугашвили. И как они только посмели?

Из-за того письма Огурцова исключили из партии, что было для большинства коммунистов крахом всей жизни. И в тот же день, без всяких объяснений, приказом директора Института международного рабочего движения (ИМРД) он был уволен с работы. Всё вместе это означало запрет заниматься философией. Оставался только один шанс облегчить себе жизнь (без восстановления на работе, но зато опять в партии) – покаяться, что некоторые из списка 80 и сделали. Но когда это предложили Огурцову, он твердо ответил: “Никогда!” Начались мытарства в поисках работы, ведь надо было ещё кормить семью. Главная проблема человека, исключенного из партии – это публикация научных трудов, но, как правило, ему отказывают и, вообще, все боятся брать такого человека на работу. После смены нескольких мест Огурцова взял к себе директор ИИЕТ академик Б.М. Кедров, крупнейший специалист в области материалистической диалектики и философских вопросов естествознания. Он мог себе позволить брать на работу кого угодно, даже диссидентов⁵, поговаривали, что ребенком он сидел на коленях у Ильича. Кедров предложил Огурцову сотрудничество, и они вдвоем опубликовали два фундаментальных труда по марксистской концепции истории естествознания (см.: [Кедров, Огурцов 1978; Кедров, Огурцов 1985]).

Здесь стоит подчеркнуть, что к началу событий 1968 г. Огурцов, несмотря на свою молодость, был уже авторитетным и признанным философом, его даже привлекали к написанию статей в пятитомную “Философскую энциклопедию” (порождение хрущевской оттепели), которая выходила с 1960 по 1970 г. В 1967 г. в 4-м томе была опубликована его статья “Отчуждение”, а вот 5-й том, который вышел в 1970 г., уже накрыла волна борьбы с диссидентами⁶. Тем не менее, у Огурцова⁷ выходит большая статья “Феноменология” и, что очень важно, там он публикует, в соавторстве с уже знакомыми нам лицами, чуть ли не главную по первоначальному замыслу статью Энциклопедии – “Философия” (см.: [Лекторский и др. 1970]).

По существу, период творчества философа Огурцова, начиная с 1970 по 1985 г., прошел “под колпаком”. Но вскоре поднялся ветер перемен, и идеология медленно начала отступать⁸.

2. Подавление философии

В 1989 г. А.П. Огурцов опубликовал статью “Подавление философии” [Огурцов 1989]. Стоит сказать, что сам термин *“подавление философии”* не был изобретением Огурцова. В 1981 г. в Нью-Йорке на русском языке вышла книга И. Яхота⁹ “Подавление философии в СССР (20–30-е годы)” (см. [Яхот 1991^a; Яхот 1991^b; Яхот 1991^в]), которая и по сей день является наиболее полным, с использованием огромного фактического материала, исследованием тех трагических событий 20–30-х гг., которые происходили с философией в России. В предисловии автор пишет, что тема, заявленная в его книге, до недавнего времени вообще была запретной, а отдельные робкие голоса, призывающие этот период исследовать, ни на что не влияли. Яхот с горечью констатирует, что 5-й том “Истории философии в СССР”, охватывающий советский период, до сих пор не опубликован, хотя прошло уже 10 лет с момента выхода предыдущего тома. И сам дает объяснение такому положению дел: “Авторы столкнулись с большими трудностями, которые связаны с тем, что правдивое освещение истории советской философии может дискредитировать не только отдельных лиц, но и всё официальное учение в целом” [Яхот 1991^a, 45].

2.1. Дискуссия между “механистами” и “диалектиками”

В 1922 г. по указанию Ленина из страны были изгнаны такие выдающиеся русские философы, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, С.Л. Франк и др. (см.: [Макаров, Христофоров 2003])¹⁰. Есть основания считать, что на этом развитие великой русской философии на родине было закончено. Это означало, что площадка для единственно правильной философии, а именно марксистско-

ленинской, была полностью расчищена. В подтверждение в том же году был создан философский журнал “Под знаменем марксизма” (ПЗМ), в первой книжке которого (№ 1–2) появилась статья Троцкого “Об общих задачах журнала”¹¹. А уже в № 3 за 1922 г. была опубликована статья В.И. Ленина “О значении воинствующего материализма”, начинавшаяся словами: «Об общих задачах журнала “Под Знаменем Марксизма” тов. Троцкий в № 1–2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно» [Ленин 1970, 23]. Философское завещание Ленина (каким принято считать эту статью) наполнено воинственной злобой и бранью. Вот только несколько примеров. В начале статьи он набрасывается на “современных народников” (народных социалистов, эсеров и т.п.), которые отступили от Чернышевского «...в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы “последнего слова” европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности» [Ленин 1970, 24]. Затем – на известного немецкого ученого Артура Дресса (характеристика Ленина), обвиняя его в том, что он помогает “...эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гадеными и подлыми предрассудками” [Ленин 1970, 27]. А в конце статьи Ленин обрушивается с критикой на социолога Питирима Сорокина, опубликовавшего в журнале “Экономист” статью о влиянии войны на состав, свойства и общественную организацию населения. Он ругает журнал и обращается к русскому рабочему классу, чтобы он «...подобных преподавателей и членов учебных обществ... вежливо попрепроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место» [Ленин 1970, 33].

Но два, на первый взгляд, позитивных момента следует отметить. Ленин призывает воинствующих материалистов заключить союз с представителями современного естествознания. Однако это призыв не был услышан и не мог быть услышан, поскольку одновременно было сказано: “Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьца” [Ленин 1970, 29]. Но почему именно *реакционные*? Другой “позитив” совершенно абсурдный – это призыв изучать *идеалистическую* диалектику Гегеля *материалистически*: “...мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически” [Ленин 1970, 30].

Классики марксизма-ленинизма усмотрели в гегелевской философии величественное здание (каким оно в свое время и являлось), в котором сам Дух выступал не как неизменная субстанция, а как революционный процесс. Этот Дух становится настолько диалектическим, что “укореняется в самом бытии”. Но места для *Духа* в материалистической философии не находилось, и потому предстояло совершить грандиознейший плагиат не только в истории философии, но и во всей истории человеческой мысли, который заключался всего лишь в смещении некоторых акцентов. В результате оказывалось, например, что Дух есть не что иное, как пролетариат. Затем предстояло самое трудное – придать этому плагиату легитимность и законную силу. Самый простой путь, как мы увидим, это физически убрать или дискредитировать конкурентов (в том числе, и Гегеля) и провозгласить себя отцами-основателями новой религии, покоящейся на диалектическом методе. Именно вопросы диалектики приобретут первостепенное и, в итоге, трагическое значение для судеб советской философии. О том значении, которое имела гегелевская философия, и, в особенности, ее диалектический метод для советской философии, интересно написано в книге О.Ю. Сумина с весьма примечательным названием “Гегель как судьба России”. В разделе 1.2. “Философская идея в моменте объективности (отношение к философии Гегеля в рамках политической идеологии)” читаем: «Сам приход к власти (большеви́ков. – А.К.) обосновывается как следствие результатов философии Гегеля, “очищенных от идеализма” усилиями Маркса и Энгельса. А после захвата власти непризнание “диалектического метода” уже расценивается как идеологическая измена, равнозначная государственному преступлению» [Сумин 2005 web].

9 июня 1924 г. состоялось учредительное собрание, на котором было создано “Общество воинствующих материалистов” (ОВМ). Н.И. Бухарин (включенный в президиум)

и Л.Д. Троцкий прислали письменные приветствия. Вокруг журнала сформировались новые кадры философов, во главе которых вскоре оказался А.М. Деборин¹², последователь первого русского марксиста Г.В. Плеханова. В 1926 г. Деборин становится главным редактором журнала.

Но начиная с 1924 г., философская общественность оказалась втянутой в острую дискуссию. Центром обсуждения стал вопрос о *предмете марксистской философии* и ее отношении к естественным наукам. Вполне логично: поскольку никакая другая философия не имеет права на существование – нужно было четко определиться с этим. Тогда никому и в голову не могло прийти, что за открытыми философскими дебатами может скрываться что-то опасное.

И сразу образовались два непримиримых противоборствующих лагеря. С одной стороны – *механисты*, возглавляемые И.И. Скворцовым-Степановым¹³, а с другой – *диалектики*, возглавляемые А.М. Дебориным. При этом механисты в массе своей были естественными учеными, а диалектики – “чистыми” философами, как правило, мало сведущими в вопросах естествознания. В книге И. Яхота дискуссия между механистами и диалектиками рассматривается подробно. Если кратко, то суть ее в следующем.

В XVII–XVIII вв. наибольшее развитие среди всех наук получила механика, и естественно, философы прибегали к ее услугам, когда объясняли мир. Это приводило к сильному упрощению картины мира, поскольку все другие формы развития, например, биологические и общественные сводились к механике и объяснялись ее закономерностями. Метод, при котором сложные явления сводятся к их более простым составляющим, называется *механицизмом*. Механисты считали, что марксистская философия должна строиться на естественнонаучном, главным образом, физическом фундаменте, и тогда возникала сложнейшая проблема “сведения” качества к количеству. *Механистическому* материализму противопоставлялся *диалектический* материализм, и диалектики видели основную свою задачу в разработке философских категорий в их абстрактном общем виде, при этом главным здесь становился диалектический метод Гегеля. Механисты твердили: “Наука – сама себе философия”, а деборинцы видели в этом угрозу для философии как абстрактной науки.

При таком диаметрально противоположном подходе дискуссия стала принимать все более жесткий характер и быстро распространилась на университеты, институты и многочисленные кафедры. Тысячи и тысячи статей и выступлений. Сколько страсти, ума, и вдохновения! Иногда обсуждения длились допоздна и продолжались неделями. Никогда и нигде, ни в какой стране не было и не будет такого всплеска философской мысли! И что важно, это были относительно *свободные* диспуты. Хотя не стоит забывать, что всё это происходило в рамках одной догмы, и догма эта – *марксизм*, к тому же в ее *большевистской*, т.е. в крайне агрессивной и воинствующей форме. “Отлучение” от марксизма было тяжким обвинением, но вначале носило характер, скорее, морального порицания. Весьма резкие и неполиткорректные эпитеты звучали с обеих сторон, но таким был стиль зарождающейся новой эпохи, стиль победителей с довольно низким культурным уровнем. По мере развития дискуссии этот тон со стороны диалектиков становился всё более и более угрожающим.

Заметим, что с публикацией в 1925 г. рукописи Ф. Энгельса “Диалектика природы”, а также ленинской заметки “К вопросу о диалектике”¹⁴ в журнале “Большевик” (№ 5–6), позиция диалектиков-деборинцев заметно упрочилась. Но когда в 1928 г. напряжение между механистами и деборинцами достигло кульминации и механисты ушли из ОВМ, в результате чего произошел раскол, деборинцы в ответ организовали “Общество воинствующих материалистов-диалектиков” (ОВМД) и, видя, что дискуссии не предвидится конца, решили прекратить ее с помощью организационных мер. Для этой цели в Москве была созвана “II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений”, которая проходила в апреле 1929 г. в Коммунистической Академии. Конференция открылась докладом Деборина “Современные проблемы философии марксизма”. По докладом Деборина и О.Ю. Шмидта были приняты две резолюции, в которых течение механистов квалифицировалось как наиболее активное ревизионистское философское направление.

Хотя суть ревизии марксизма оставалась необъясненной и непонятной, сам термин “ревизионизм” впервые приобретал значение политического преступления.

Теоретически дискуссия была окончена и завершилась полной победой Деборина и его учеников. Однако истинный смысл происходящего был скрыт как для проигравших, так и для победителей. Он был также скрыт и для многих исследователей этой дискуссии (в том числе и для Яхота). Разгром механистов был по сути политической акцией в форме “строго” научной дискуссии. Поскольку к механистам причислял себя Н.И. Бухарин, возглавивший несколько позже на общественных началах “Институт истории естествознания и техники” в Ленинграде, то истинной целью этой акции был первый этап расправы с Бухариным – его дискредитация как философа¹⁵. В дальнейшем это подтвердится общим обвинением механистов в “правом уклоне”.

2.2. “Меньшевистствующий идеализм”

Наступил 1930 год, не предвещавший, казалось бы, ничего плохого для воинствующих материалистов. С одной стороны, многие деборинцы могли поздравить друг друга с большим успехом на выборах в Коммунистическую академию¹⁶, которые прошли в середине года. А с другой стороны, в партийной печати уже стали появляться серьезные критические выпады против деборинцев. Деборину уже ставили в вину то, что он назвал Ленина *учеником* Плеханова в философии. Такая критика обрадовала механистов и вселила в них надежду.

Однако ни первые, ни вторые по-прежнему не понимали сути происходящего. А суть состояла в том, что к этому времени Сталин устранил с политической арены всех своих противников. Троцкий уже был выслан, Каменев и Зиновьев, обвиненные в “левом уклоне”, т.е. в троцкизме, сняты со всех постов, а Бухарин в 1929 г. был обвинен в “правом уклоне” и выведен из состава Политбюро ЦК. Сталин становился главным действующим лицом, хотя область идеологии пока еще была неподвластна единоличному контролю. Теперь политическая борьба на два фронта против правого и левого уклона переносится соответственно на идеологическую борьбу против механистов и диалектиков, правда, к философии это уже не имеет никакого отношения.

По-человечески, Сталина можно понять. Наверное, он мог бы даже рассуждать так: «Как они смеют, развели какую-то бесконечную тягомотину, собираются, где хотят, критикуют кого хотят... Какие-то Плеханов, Ленин, Троцкий, Бухарин, да еще эти недоумки Деборин со Степановым, а про меня ни слова. Энгельс им понадобился! Главным теоретиком по всем без исключения вопросам, тем более философским, должен быть – я, Сталин. Ведь именно я написал статью “Диалектический метод”¹⁷ к московскому Декабрьскому восстанию 1905 года. Но за четыре с половиной года Всесоюзной дискуссии, когда только самый тупой не высказался о диалектике – никто, ни одна сволочь даже не упомянула эту фундаментальную работу. Никогда им этого не прощу, никогда»¹⁸.

Конечно, для реализации сталинских замыслов нужны были помощники, ими и стали “новые силы”, возглавляемые М.Б. Митиным, наиболее одиозной фигурой среди философов того времени.

7 июня 1930 г. в главном печатном органе ЦК ВКП(б) “Правда” выходит знаменитая “статья трех” (членов партбюро философского отделения Института красной профессуры М. Митина, В. Гальцевича и П. Юдина) “О новых задачах марксистско-ленинской философии”, которая ознаменовала собой не только “великий перелом” в ходе всей дискуссии, но и предreshила трагический конец школы Деборина. В этой статье уже на официальном уровне говорилось о том, что деборинцы проявили пассивность в разоблачении троцкистов. Деборинцы пытались защищаться (о чем потом пожалели), но на заседании Президиума Комакадемии, которое длилось четыре дня – с 17 по 20 октября – всё было кончено. В принятой грозной резолюции говорилось: «ОБМД не может допустить пребывания в его рядах людей, причастных к двурушнической, предательской борьбе “право-левого” блока против генеральной линии партии и ее ЦК» (цит. по: [Яхот 1991⁶, 88]).

Однако последнее слово в обвинении деборинцев не могло быть сказано без Сталина, и это произошло 9 декабря 1930 г., когда состоялась беседа Сталина с бюро ячейки ИКП философии и естествознания. Убедившись после доклада Митина, что всё идет “по плану”, Сталин в дружеской беседе о задачах борьбы на два фронта в философии обозначил деборинскую школу как “*меньшевистствующий идеализм*”, не “меньшевистский”, что было бы совсем плохо, а именно “меньшевистствующий”. Им была поставлена очередная задача, которая в записи Митина выглядит так: «Также он поставил задачу разворошить все написанное по вопросам философии деборинцами: “Надо разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Все, что написано деборинской группой, – разбить”, – заявил он и добавил: “Бить – главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Готовьтесь к боям. Не забудьте Рязанова. Вообще Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете”» [Митин 1936, 25].

А причем здесь академик Д.Б. Рязанов? Он никакого участия в этих дискуссиях не принимал. Но именно Рязанов в 1925 г. издал книгу Ф. Энгельса “Диалектика природы”, под его редакцией также издавались собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, наконец, он пользовался всеобщим уважением у большевиков как крупнейший знаток марксизма. Рязанов был основателем и первым директором Института Маркса и Энгельса, которым руководил с 1921 по начало 1931 г. По всей видимости, целью Сталина была уже дискредитация Рязанова как философа. И его обвинили, вначале Митин, а затем “Правда” (15.01.1931) в меньшевизме и недооценке вклада Ленина в развитие марксизма¹⁹.

25 января 1931 г. было принято продиктованное Сталиным постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”», где содержались следующие обвинения: «...журнал (возглавляемый Дебориним. – А.К.) не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье “О значении воинствующего материализма”, не стал боевым органом марксизма-ленинизма» [Постановление 1931]; деборинская “группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала – разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма” [Там же]. В результате был изменен состав редакции журнала, а Митин стал ответственным редактором. Деборина заставили выступить с публичным покаянием, и он был изгнан из Института философии, хотя был одним из его создателей. Ему по личному распоряжению Сталина запретили писать философские труды и вынудили перейти на работу в Институт истории. Обратим внимание на еще один важный факт. В 1929 г. на русском языке выходит первый том собраний сочинений Гегеля, предисловие к которому написал Деборин [Деборин 1929]. В нем Деборин постарался максимально развить все “прогегелевские” элементы марксизма, опираясь также на работы Энгельса (и вскользь на Ленина, поскольку “Философские тетради” еще не были опубликованы). Он очень высоко оценил диалектический метод Гегеля, и сделал это талантливо, что не могло пройти мимо Сталина. Отвечая на вопрос, в чем же принципиальное отличие диалектики Маркса от диалектики Гегеля, Деборин пишет: “Преобразование Марксом гегелевской диалектики выразилось прежде всего в том, что, что он превратил ее из *абстрактной* в *конкретную*” [Там же, XXVII]. И эта конкретность в полной мере стала применяться диалектически, когда на последней стадии дискуссии механистов громили аргументами диалектиков, а диалектиков – аргументами механистов.

Интересно, что в Постановлении совершенно иезуитски (черта, так свойственная Сталину) главной опасностью объявляется “механистическая ревизия марксизма”, а не “идеалистические извращения марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стэна и др.” [Постановление 1931]. Казалось бы, вот она – надежда деборинцев на спасение. Но все оказалось наоборот: понятие “меньшевистствующий идеализм” стало отождествляться с понятием “контрреволюционный троцкизм”. В передовице “Воля советского народа” было заявлено: “Меньшевистствующий идеализм есть рогожное знамя, которым троцкистско-зиновьевская нечисть прикрывала свою злодейскую террористическую работу” [Воля 1936, 10]. Так философский журнал под руководством Митина становится главным органом по политическим доносам (а в 1944 г. журнал “Под знаменем марксизма” был

закрыт по указанию Сталина за ненадобностью). Как недавно написал Н.Н. Александров: “Деборинские ученики были пущены под нож” [Александров 2013, 132].

До сих пор никто не знает, что такое “меньшевиствующий идеализм”, хотя эта идеология была принята, как величайший вклад в мировую сокровищницу философской мысли. Позднее термин стал распространяться на ряд теоретических “ошибок” в других областях знания: на политическую экономию, литературоведение, медицину и т.д. Вот его определение как пример, объясняющий слово “меньшевиствовать”, в известном “Толковом словаре русского языка”: “Меньшевиствующий идеализм – идеалистическое меньшевистское контрреволюционное извращение марксизма” [Ушаков 1938].

В 1936–1938 гг. разгром был завершен. Из активно действующих механистов уцелели единицы²⁰. Все ученики и соратники Деборина по Институту философии были уничтожены (кроме самого Деборина)²¹, кто-то был расстрелян, кто-то погиб в лагерях. О чем они думали, когда шли на расстрел или погибали от тоски, издевательств и, главное, от неправды? Одно дело, когда государство убивает тебя за реальные преступления, тобой содеянные (хотя и это жестоко) – и совсем другое дело, когда тебя уничтожают только за веру в то, что философия – это любовь к мудрости. Резюме И. Яхота таково (курсив автора. – А.К.): «Течения, получившего название “меньшевиствующий идеализм”, на самом деле не существовало» [Яхот 1991^в, 95] (см. также: [Коршунов 2000]).

2.3. “О диалектическом и историческом материализме”

Принято считать, что после 1931 г. начался истинно ленинский период в развитии марксистской философии. Однако самые догадливые уже поняли, что Ленин сегодня – это Сталин. Поскольку к ленинскому этапу возвращаются по сей день, приведем некоторые факты из книги И. Яхота.

В начале 30-х гг. советские философы клялись, что они расправятся с меньшевиствующими идеалистами за то, что те недооценили Ленина. В конце 30-х гг. о Ленине почти не вспоминают. Уже в 1932 г. на страницах журнала ПЗМ появилось: “Во главе нашей партии стоит выдающийся *диалектик* (курсив мой. – А.К.), вождь нашей партии т. Сталин” [Юдин 1932, 127]. Или в этом же году: “Мы особое внимание должны обратить на изучение и пропаганду разработки диалектики нашей эпохи в работах Ленина и Сталина” [Каммари 1932, 76]. Имя Ленина еще не сходит со страниц, но цель совсем другая: осветить деятельность Ленина величием Сталина. Главный смысл в том, что понять ленинский этап в философии, можно только постигая Сталина, поэтому вся философия начала перекраиваться под Сталина, и ему стали приписывать непомерные заслуги в создании новой марксистской диалектики.

Яхот отмечает, что уже в программе по диалектическому материализму, опубликованной в 1937 г., Ленина почти нет – доминирует Сталин. В списках литературы, рекомендованной к некоторым темам, тоже ни одного произведения Ленина – только Сталин и... Берия. О Ленине вспоминают лишь тогда, когда речь идет о борьбе с друзьями Ленина – Троцким и Бухариным. В год шестидесятилетия Сталина (1939) в последнем номере ПЗМ даже появилась лирика, обычно не свойственная большевикам: “История человеческой мысли знала многих гигантов. Вы стоите в ряду величайших” [Редакция 1939, 81]. Почему не самый величайший? Просто еще не успели до конца освоить выхолощенный и доведенный до крайнего примитивизма текст Сталина “О диалектическом и историческом материализме”, включенный в качестве 2-го раздела IV главы в катехизис “Краткий курс истории ВКП(б)”, вышедший в 1938 г. (Опубликован также в газете “Правда” 12 сентября 1938 г.).

Вот уж никак не думал, что мне придется читать этот текст. А начинается он с определения “диалектического материализма”: “Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы,

его понимание явлений природы, его теория – *материалистической*” (курсив Сталина. – А.К.) [Сталин 1938, 99–100]. Таким образом, диалектический материализм называется диалектическим, потому что он диалектический, и материалистическим, потому что он материалистический, т.е. всё сводится к наипростейшей тавтологии: *A* есть *A*. Совсем неплохо для начинающего семинариста, очарованного пустотой и мертвящим холодом тавтологического мышления. Из этой тавтологии можно получать другие тавтологии, например, *A* есть *A*, потому что *A* есть *A*, и т.д. Теперь понятен стиль политических обвинений: “Этот подлец является троцкистом, потому что вел контрреволюционную троцкистскую деятельность”, т.е. потому, что он троцкист. И этим погублено столько жизней! Так на руинах двух “уклонов” (механисты/диалектики) родилась сталинская философия. Но суть философии не в том, чтобы всё сводить к тривиальностям, а наоборот, чтобы непрестанно выходить за границы *любого* мышления.

Сразу же после выхода книги произошла ее канонизация. Специальным Постановлением ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» от 14 ноября 1938 г. “Краткий курс истории ВКП(б)” и его раздел “О диалектическом и историческом материализме” были объявлены энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма, представляющей собой официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований²². Теперь на десятилетия вперед любые попытки развития марксистско-ленинской философии (а другой не было) в лучшем случае расценивались как ревизия, а в худшем – как извращение. В обоих случаях применение репрессий привело к полной стагнации философского знания, а результатом насильственного насаждения марксизма-ленинизма явилось отвращение к философии как таковой.

Главный итог борьбы Сталина за марксистско-ленинскую философию в 30-е гг. заключался в том, что дорога к славе величайшего диалектика всех времен и народов была расчищена и утрамбована²³. Правда, и на этой дороге порой случались мелкие неприятности.

2.4. Новая дискуссия

Весьма амбициозным проектом в конце 30-х гг. стала многотомная “История философии”, которой предстояло в свете сталинского видения переоценить историю человеческой мысли, начиная от античных времен (т. I) до нынешних (т. VII – Ленин и Сталин). В Институте философии АН СССР была развернута работа над всеми томами и уже в 1941 г. вышли первые два тома под редакцией Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина и П.Ф. Юдина. В 1943 г. авторский коллектив этих томов был удостоен Сталинской премии I степени. В этом же году выходит третий том (первая половина XIX века) и неожиданно подвергается резкой критике. Всё началось с доноса З.Я. Белецкого²⁴ Сталину. В результате, вопрос о III томе обсуждался на заседании Политбюро ЦК, и в мае 1944 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) “О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII – начала XIX веков”, направленное против “возвеличения Гегеля”. Книга была лишена присужденной ранее Сталинской премии, зато широкую известность получило приписываемое Сталину определение гегелевской философии как аристократической реакции на французскую революцию и французский материализм, причем сам Гегель определялся как апологет прусско-юнкерской монархии. И лишь немногие обратили внимание на то место в постановлении, где указывалось, что авторы III тома *необоснованно* приписывают Гегелю распространение диалектики на общественную жизнь. В том-то и дело, что указывать нужно было на того, *кто* в действительности распространял диалектику на общественную жизнь! В итоге, работа над “Историей философии” была прекращена, а сам III том из научного обихода изъяли. Б.Э. Быховского выгнали из Института философии, а Б.С. Чернышев, считавшийся большим эрудитом в различных

направлениях истории философии и в основном написавший главу, посвященную Гегелю, в том же году умер от инфаркта. В.Ф. Асмус подвергся очередной “проработке”.

Наступление на гегелевскую диалектику этим не ограничилось, а напротив, стало набирать силу. Сложившейся ситуацией поспешил воспользоваться Г.Ф. Александров, возглавлявший управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и решивший упрочить свое положение на философском олимпе²⁵. В 1946 г. он переиздает с дополнениями свой учебник 1939 г. “История западноевропейской философии” и организует в печати кампанию восхваления этой книги. Она получает Сталинскую премию (второй степени), и в 1946 г. Александров становится академиком АН СССР. Однако вскоре последовал новый донос Белецкого²⁶ Сталину, где сообщалось, что в книге Александрова решение ЦК о третьем томе “Истории философии” сведено на нет. На этот раз всё оказалось серьезнее.

Сталин предлагает организовать обсуждение “Истории западноевропейской философии” в Институте философии, видимо, с целью устроить показательную порку начальника Агитпропа. Дискуссия продолжалась три дня в середине января 1947 г., и материалы обсуждения были направлены в секретариат А.А. Жданова. Однако обсуждение оказалось “беззубым”, поскольку критиковать своего непосредственного руководителя, начальника Управления пропаганды и агитации ЦК, никто не решался. Тогда Сталин распоряжается о проведении новой широкой дискуссии, в ходе которой Александров должен быть окончательно дискредитирован. Вторая дискуссия, проходившая уже в ЦК под руководством Жданова с 16 по 25 июня 1947 г., имела гораздо более высокий статус и в официальных партийных документах называлась «Совещание работников научно-философского фронта, посвященное дискуссии по книге Г.Ф. Александрова “История западноевропейской философии”». На нем присутствовала практически вся идеологическая номенклатура страны, а в президиуме – секретари ЦК ВКП(б). Всё это означало, что философия стала непосредственным продуктом работы идеологического аппарата государства.

Открывая совещание Жданов заявил, что потребовалось вмешательство Центрального Комитета и лично товарища Сталина, чтобы вскрыть недостатки книги. Книге Александрова инкриминировалось, прежде всего, отсутствие партийности, но оказалось, что вопрос стоит о необходимости вскрытия серьезных недостатков не только в учебнике Александрова, но и в положении дел на всем философском фронте. 19 июля 1947 г. на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об издании журнала “Вопросы философии”» (главным редактором стал Б.М. Кедров), в четвертом пункте которого указывалось об обязательной публикации в этом журнале материалов прошедшей дискуссии (что и было выполнено в первом номере журнала за 1947 г., где был представлен «Стенографический отчет о Дискуссии по книге Г.Ф. Александрова “История западноевропейской философии”, 16–25 июня 1947 г.». Сам Александров, возмнивший себя чуть ли не “классиком” (и это при живом Сталине!), уступил свое место М.А. Суслову, был значительно понижен в партийно-идеологической иерархии и назначен директором Института философии АН СССР. О последствиях дискуссии в специально посвященной ей работе сказано так: “И многие годы и десятилетия придется преодолевать тот паралич философской мысли, который охватил философов после дискуссии 1947 г.” [Есаков 1993, 106].

Приписывание Гегелю шовинистических нацистских взглядов, обвинения в реакционности и контрреволюционной сущности его воззрений (“троцкистом” Гегеля все-таки не называли...) было всего лишь ширмой, прикрытием чего-то очень важного и самого главного. Многие исследователи в дальнейшем пытались разобраться, почему стали так изничтожать Гегеля, диалектика которого была названа Лениным одним из источников марксизма. Близко к решению этой проблемы подошел в своей книге И. Яхот, но наиболее точный ответ, созвучный и моему пониманию атмосферы того времени, был сформулирован Е. Добренко: «Гегель был слишком важен для марксизма: собственно, он-то и был его философским основанием (вся “философия марксизма” – диалектический материализм, – изложенная в “Кратком курсе”, была лишь пересказом Гегеля). Гегель был слишком могуч как мыслитель – настолько, что его было невозможно обойти в изложении “основ марксизма”. Именно потому, что “рациональное зерно” гегелевской системы – диалектика – стало

обоснованием революционного теоретизирования, именно потому, что Гегель стал воплощением философии как таковой, именно потому, что гегелевская диалектика, своеобразно воспринятая в качестве “диалектической логики”, конструкции гибких и изменчивых понятий, стала, по сути, сталинским образом политического мышления, сам первоисточник подлежал удалению подальше от глаз» [Добренко 2014^а, 46]. Уже в борьбе против меньшевистствующих идеалистов одним из основных обвинений было преклонение перед Гегелем и утверждение его важности для марксистской теории. Таким образом, Гегель не только как философ, но и как великий диалектик был устранен с пути Сталина, а сама гегелевская диалектика была окончательно перевернута с ног на голову. В этом перевертывании законы диалектики становятся мощным оружием: “Законы диалектики становятся в руках художника-вождя законами триллера. *В сталинизме нет иных правил, кроме партийности (читай: диалектики), которая сама – лишь принцип произвола и, соответственно, ключевой принцип террора*” (курсив автора. – А.К.) [Добренко 2014^б, 295].

Основной целью “Краткого курса истории ВКП(б)” являлась максимальная фальсификация самой истории в государственном масштабе, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и для философии. Как это стало возможным? Очевидно, был совершен поэтапный переход от диктатуры пролетариата, декларированной Марксом, к диктатуре одной партии, осуществленный Лениным, чтобы затем под прикрытием Ленина смогла реализоваться диктатура Сталина. Принцип партийности философии, провозглашенный Лениным и утверждающий, что философия должна отражать интересы определенной партии, стал исключительно удобным средством для крайней политизации философии и устранения из нее всякого философского содержания. Теперь через философию, которая становится “комиссаром”, можно извратить любой факт и оболгать всё. Именно такую функцию и выполняет *идеология* при тоталитарных режимах, но вопрос об идеологии стоит особняком, и мы еще к нему вернемся.

В заключение этого раздела приведу характеристику Сталина как философа: “Продолжая линию Ленина на превращение философии в политизированный феномен – орудие тоталитарного режима, С. создал и институализировал устойчивую систему генерирования, отбора, вертикальной ротации и воспроизведения ангажированных властью идеологических кадров, тем самым надолго трансформировав официально-государственную философскую мысль в СССР в агрессивную духовную субстанцию реакционно-религиозного характера” [Грицанов 1998, 678]. К этому стоит добавить следующее: “Ни Маркс и Энгельс, ни тем более Ленин, не говоря уже о Сталине, философами не были. Они писали на философские темы лишь в связи с иными, более актуальными для них политическими, идеологическими и экономическими сюжетами” [Добренко 2014^а, 45].

(Продолжение следует)

Источники – Primary Sources in Russian

Воля 1936 – Воля советского народа // Под знаменем марксизма. 1936. № 8. С. 1–12. [The will of the Soviet people. In Russian]

Деборин 1929 – *Деборин А.М.* Гегель и диалектический материализм (вступительная статья) // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. XI–CIII. [Deborin A.M. Hegel and dialectical materialism (introduction). In Russian].

Есенин-Вольпин 1999 – *Есенин-Вольпин А.С.* Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / Ред. В.К. Финн, А.Ю. Даниэль. М.: РГГУ, 1999. [Esenin-Vol'pin A.S. Philosophy. Logic. Poetry. The Defence of Human Rights: Selected Works. In Russian].

Каммари 1932 – *Каммари М.* Разработка Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика // Под знаменем марксизма. 1932. № 3–4. С. 76–111. [Kammari M. The development of the national question by Stalin and materialistic dialectics. In Russian].

Куперт, Приль 2010 – Томские заморозки хрущёвской оттепели (Сборник документов и материалов) / Под ред. Ю.В. Куперт, Л.Н. Приль. Томск: ТГУ, 2010. [Tomsk Freeze Thaw (Collection of Documents and Materials) / Yu.V. Kupert, L.N. Pril' (eds.). In Russian].

Лекторский и др. 1970 – *Лекторский В.А., Огурцов А.П., Швырёв В.П., Юдин Э.Г.* Философия // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 332–342. [Lektorskii V.A., Ogurtsov A.P., Shvyurev V.P., Yudin E.G. Philosophy. In Russian].

Ленин 1969 – *Ленин В.И.* К вопросу о диалектике // Ленин В.И. ПСС. В 55 т. Т. 29. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 316–322. [Lenin V.I. On the question of the dialectic. In Russian].

Ленин 1970 – *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. ПСС. В 55 т. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 23–33. [Lenin V.I. On the Significance of Militant Materialism. In Russian].

Митин 1936 – *Митин М.Б.* Некоторые итоги работы на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1936. № 1. С. 21–45. [Mitin M.B. Some results of the work on the philosophical front. In Russian].

Осоргин 1955 – *Осоргин М.А.* Как нас уехали. [1955] URL.: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6970> (Дата обращения 26.06.2015). [Osorgin M.A. How we were gone away. In Russian].

Постановление 1931 – Постановление ЦК ВКП (б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» от 25 января 1931 года // Правда. 1931. 26 января. [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) «About the Journal “Under the banner of Marxism”». In Russian].

Редакция 1939 – Редакция. Вождю и учителю, великому продолжателю дела Ленина – товарищу Сталину // Под знаменем марксизма. 1939. № 12. С. 80–81. [Editorial staff. To the leader and teacher, the great continuer of work of Lenin – comrade Stalin. In Russian].

Сталин 1938 – *Сталин И.В.* Краткий курс истории ВКП(б). М.: ОГИЗ: Государственное издательство политической литературы, 1938. [Stalin I.V. Short Course of History of CPSU. In Russian].

Юдин 1932 – *Юдин П.* Год работы // Под знаменем марксизма. 1932. № 1–2. С. 115–127. [Yudin P. A year of work. In Russian].

Ссылки – *References in Russian*

Александров 2013 – *Александров Н.Н.* Звезда Богданова. М.: Изд-во Академии тринитаризма, 2013.

Грицанов 1998 – Новейший философский словарь / Под ред. А.А. Грицанова. Мн.: В.М. Скакун, 1998.

Добренко 2014^a – *Добренко Е.* Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 26–64.

Добренко 2014^b – *Добренко Е.* Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики (II) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). С. 253–298.

Евграфов 1985 – История философии в СССР: в 5 тт. Т. 5. Кн. 1 / Под ред. В.Е. Евграфова. М.: Наука, 1985.

Есаков 1993 – *Есаков В.Д.* К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 83–106.

Кедров, Огурцов 1978 – *Кедров Б.М., Огурцов А.П.* Марксистская концепция истории естествознания: XIX век. М.: Наука, 1978.

Кедров, Огурцов 1985 – *Кедров Б.М., Огурцов А.П.* Марксистская концепция истории естествознания. Первая четверть XX века. М.: Наука, 1985.

Корсаков, Деборин 2014 – *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 117–139.

Коршунов 2000 – *Коршунов Н.Б.* Подавление инакомыслия и философская полемика в СССР в начале 1930-х гг. // Философские науки. 2000. № 4. С. 75–88.

Макаров, Христофоров 2003 – *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры “философского парохода” (судьбы интеллигенции, репрессированной летом – осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137.

Огурцов 1989 – *Огурцов А.П.* Подавление философии // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 353–374.

Сойфер 2012 – *Сойфер В.Н.* Сталин и мошенники в науке. М.: Добросвет: КДУ, 2012.

Сумин 2005 web – *Сумин О.Ю.* Гегель как судьба России [2005]. URL: http://www.sumin.corpula.ru/002_Gegel_kak_sudba_RU/Gegel_kak_sudba_RU_HTML/06_1_2.htm (Дата обращения 16.06.2015).

- Яхот 1991^а – *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 44–68.
- Яхот 1991^б – *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 72–138.
- Яхот 1991^в – *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 72–115.

Справочные издания

Ушаков 1938 – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938 [Dictionary of Russian language. Vol. 2. In Russian].

References

- Aleksandrov N.N. Bogdanov's star. M.: Academia trinitarizma, 2013 (In Russian).
- Dobrenko E. Metastalinizm: Dialectics of Partisanship and Party Dialectics // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philosophy. Sociology. Politology. 2014. № 3 (27). P. 26–64 (In Russian).
- Dobrenko E. Metastalinizm: Dialectics of Partisanship and Party Dialectics (II) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philosophy. Sociology. Politology. 2014. № 4 (28). P. 253–298 (In Russian).
- Esakov V.D. To the history of philosophical discussion, 1947 // Voprosy filosofii. 1993. №. 3. P. 83–106 (In Russian).
- History of Philosophy in the USSR. Vol. 5. Book. 1 / V.E. Evgrafov (ed.). M.: Nauka, 1985 (In Russian).
- Kedrov B.M., Ogurtsov A.P. Marxist Concept of History of Natural Science: the 19th century. Moscow: Nauka, 1978 (In Russian).
- Kedrov B.M., Ogurtsov A.P. Marxist Concept of History of Natural Science: the first quarter of the twentieth century. M.: Nauka, 1985 (In Russian).
- Korsakov S.N., Deborin M.G. The struggle of academician A.M. Deborin for scientific and social rehabilitation: the story told via documents and testimonies // Filosofskii zhurnal. 2014. № 1(12). P. 117–139. (In Russian).
- Korshunov N.B. Suppression of dissent and philosophical debate in the USSR in the early 1930's // Filosofskie nauki. 2000. №. 4. Pp. 75–88 (In Russian).
- Makarov V.G., Khristoforov V.S. Passengers “philosopher of the Steamship” (fate of the repressed intelligentsia, in summer-autumn, 1922) // Voprosy filosofii. 2003. № 7. P. 113–137 (In Russian).
- The Newest Philosophical Dictionary / A.A. Gritsanov (ed.). Minsk: V.M. Skakun, 1998 (In Russian).
- Ogurtsov A.P. Suppression of philosophy // The Grim Drama of the People: Scholars and Publicists on the Nature of Stalinism. M.: Politizdat, 1989. P. 353–374 (In Russian).
- Soifer V.N. Stalin and the Fraudsters in Science. M.: Dobrosvet: KDU, 2012 (In Russian).
- Sumin O.Yu. Hegel as the Fate of Russia [2005]. URL: http://www.sumin.copula.ru/002_Gegel_kak_sudba_RU/Gegel_kak_sudba_RU_HTML/06_1_2.htm (In Russian).
- Yakhot I. Suppression of philosophy in the USSR (20–30-s) // Voprosy filosofii. 1991. № 9. P. 44–68 (In Russian).
- Yakhot I. Suppression of philosophy in the USSR (20–30-s) // Voprosy filosofii. 1991. № 10. P. 72–138 (In Russian).
- Yakhot I. Suppression of philosophy in the USSR (20–30-s) // Voprosy filosofii. 1991. № 11. P. 72–115 (In Russian).

Примечания

¹ Пятый том посвящен развитию марксистско-ленинской философии в СССР в период от Великой Октябрьской социалистической революции до настоящего времени. В центре тома – анализ ленинского философского наследия послеоктябрьских лет, борьбы советских философов-марксистов за утверждение и развитие ленинского этапа в философии марксизма, за реализацию идей, выдвинутых в решениях съездов и Пленумов ЦК КПСС.

² Несомненно, на это повлияли трагические события, произошедшие с ним в 1956 г. Осенью он выступил на партийном собрании и предложил улучшить информацию о партийной и государственной жизни, имея в виду только что случившиеся венгерские события. Он был исключен из партии, а за то, что попытался восстановить справедливость – арестован и осуждён на 10 лет по обвинению в “антисоветской пропаганде и агитации”. В 1960 Э.Г. Юдин был освобождён досрочно (без снятия судимости). И всё это происходило во времена хрущевской оттепели! См.: [Куперт, Приль 2010].

³ КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность. Это – “вышка” или, в крайнем случае, особо тяжкие работы, которые никто не выдерживал. Удалось уцелеть, наверное, только Варламу Шаламову. Историки по сей день спорят: помогла ли ему сердобольная машинистка, которая при перепечатывании его документов на Колыме изъяла букву “Т”, или это оплошность НКВД при назначении Шаламову нового срока. В результате, буква “Т” выпала и получилось “КРД”, а это, хотя тоже очень плохо, но не так... Благодаря этому Шаламов выжил и затем написал знаменитые “Колымские рассказы”, где отчетливо показывает, что в лагере существует только одна реальность, и эта реальность – *смерть*.

⁴ Главное управление по делам литературы и издательств СССР – орган, осуществлявший цензуру печатных произведений. По замыслу Ленина (1922) даже муха не могла пролететь за бугор мимо этого органа. Был ликвидирован Горбачевым в октябре 1991 г.

⁵ Но в том-то и дело, что Огурцов не был диссидентом. И никогда ни в каких диссидентских мероприятиях участия не принимал. Он мечтал заниматься философией, но в ИМРД пришел однажды Б.И. Шрагин, тоже кандидат философских наук, и предложил морально поддержать попавших в беду людей, всего лишь поставив подпись. Когда-то в “оттепель” они с радостью вступили вместе в партию. Шрагин также был исключен из КПСС и уволен с работы без права работать в научных учреждениях. В 1974 г. он эмигрировал.

⁶ Большие проблемы возникли у А.С. Есенина-Вольпина (сына Сергея Есенина), логика, математика, поэт. Еще в 1959 г. в Москве стала нелегально распространяться его книга “Свободный философский трактат”, который заканчивался издевательским афоризмом над властями: “В России нет свободы печати – но кто скажет, что в ней нет и свободы мысли” (см. [Есенин-Вольпин 1999, 52]). Этого ему простить не могли. 5 декабря 1965 г. в День Конституции Есенин-Вольпин организовал знаменитый митинг на Пушкинской площади (это была первая манифестация после выступления сторонников Троцкого в 1927 г.). Целью митинга было требование гласности суда над писателями Синявским и Даниэлем. В руках Есенин-Вольпин держал плакат: “Уважайте Советскую Конституцию – наш Основной закон!” После этого его поместили в психиатрическую больницу. Главный редактор “Философской энциклопедии” академик Ф.В. Константинов в 1965 г. распорядился: “Статьи Вольпина снять”. Есенин-Вольпин, чтобы не подводить редакцию, разрешил публиковать свои статьи анонимно или под псевдонимом “А”. И статьи вышли, но в следующем виде: фундаментальные работы “Метод аксиоматический” и “Непротиворечивость” вышли без подписи; большая статья “Парадокс” опубликована за подписью “А.С.”; целый ряд статей были подписаны “А.С. Москва”...

⁷ Авторский коллектив “Энциклопедии” был утверждён задолго до событий 1968 г.

⁸ В 1988 г. в № 6 журнала “Новый мир” появились некоторые из “Колымских рассказов” В.Т. Шаламова. В 1989 г. в этом же журнале (№№ 7–11) были опубликованы, отобранные А.И. Солженицыным главы из эпопеи “Архипелаг Гулаг”. Осенью 1989 г. журнал “Нева” начал публиковать книгу Р. Конквеста “Большой террор”. А чуть ранее в газетных киосках появился журнал “Огонёк” с портретом на обложке расстрелянного Н. Гумилёва. И продавщица повторяла изумленным покупателям, в том числе и мне: “Да, да, это тот самый Гумилёв”.

⁹ Автор книги – Иегошуа Яхот – окончил в 1943 г. философский ф-т МГУ, доктор философских наук (1965), профессор (1966). В 1977 г. переехал в Израиль.

¹⁰ «Троцкий в интервью с иностранным корреспондентом выразился так: “Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно»» [Осоргин 1955].

¹¹ Эти номера не сохранились, так как после высылки Троцкого в 1929 г. из страны они были изъяты из обращения и уничтожены.

¹² В 1908 г. окончил философский факультет Бернского университета. Под влиянием Г. Плеханова в 1907 г. стал меньшевиком. После октябрьского переворота 1917 г. поддержал большевиков.

¹³ Видный большевик, советский государственный и партийный деятель, переводчик и редактор русского издания “Капитала” К. Маркса.

¹⁴ Написана в 1915 г. Вошла в “Философские тетради” Ленина, впервые опубликованные в 1929–1930 гг. в ленинских сборниках IX и XII. Обратим внимание на это: “Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма...” [Ленин 1969, 321].

¹⁵ Заметим, что Бухарин является автором весьма известной в то время книги “Теория исторического материализма” (1921).

¹⁶ Деборин стал членом Академии Наук СССР в 1929 г.

¹⁷ Из цикла “Анархизм или социализм”.

¹⁸ Никакой особой иронии в этом тексте нет. Сталин пытался наладить “философский контакт” с Дебориным, а когда не получилось, обратил внимание на его наиболее талантливого ученика – Я.Э. Стэна. Сталину понравились и содержание, и боевитость нападок Стэна на Скворцова-Степанова в журнале “Большевик”. Ничего из этого не вышло (Стэн был расстрелян в 1937 г. по списку, утвержденному Сталиным). Никому из них и в голову не могло прийти, что Сталин претендует на роль главного философа-марксиста во всем мире.

¹⁹ А поводов, за что расстрелять, было много. Еще до революции Рязанов сотрудничал в “Правде” и других газетах с Троцким. Неоднократно выступал против политических преследований и помогал Троцкому, когда тот был сослан в Алма-Ату. Хранил материалы М.А. Горького контрреволюционного характера. Рязанов был обвинен в связях с мифической правооппортунистической троцкистской организацией и 21 января 1938 г. расстрелян в возрасте 68 лет.

²⁰ “Повезло” Скворцову-Степанову – он умер в 1928 г. от брюшного тифа тяжёлой формы, кремирован, и его прах помещён в Кремлёвской стене.

²¹ Почти всех исследователей данных событий интересовал вопрос, почему уцелел Деборин, который умер только в 1963 г. И совсем недавно стали открываться чудовищные факты: «По замыслу кровавого “режиссера” ему отводилась одна из главных ролей в готовившемся Сталиным в последние годы жизни антисемитском процессе. Академик А.М. Деборин был снят с должности заведующего сектором новейшей истории Института истории АН СССР. Сотрудники сектора – евреи – как “неправильно подобранные” А.М. Дебориным кадры были уволены из Института. Несколько человек, ранее работавших вместе с А.М. Дебориным в Президиуме АН СССР, были арестованы. Их обвиняли в том, что они участвовали в террористической группе, задачей которой было уничтожение руководителей Академии наук. А.М. Деборин же изображался следователями МГБ покровителем этой группы» (см.: [Корсаков, Деборин 2014, 117–118]). Уже по инерции после смерти Сталина 20 марта 1953 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, посвященное разбору персонального дела А.М. Деборина, где он был обвинен в том, что длительное время вел “пропаганду меньшевистствующего идеализма” [Там же, 120]. По указанию Сталина органами МГБ был состряпан “Террористический центр” во главе с Дебориным, и можно только предполагать о далеко идущих целях Сталина...

²² С 1938 по 1953 год “Краткий курс ВКП(б)” издавался 301 раз в количестве 42 816 000 экземпляров на 67 языках. Поощрялось заучивание отдельных отрывков на память и самые правоверные пытались заучивать всё...

²³ О претензиях Сталина на ведущую роль в философии см. гл. 5 в книге [Сойфер 2012].

²⁴ В 1943–1953 гг. заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма философского ф-та МГУ. Современники называли Белецкого “красным террористом”. О нем ходило много анекдотов, среди которых следующий: когда его спросили что есть истина, он, распахнув окно аудитории (тогда факультет находился на Моховой) и указав на Кремль, воскликнул: “Вот она – истина!”

²⁵ Подробно всему этому, а также философско-идеологическому хитросплетению последующих событий и трансформации советской философии был дан глубокий анализ в [Добренко 2014^a; Добренко 2014^b].

²⁶ После предыдущего доноса он получил орден Трудового Красного Знамени.